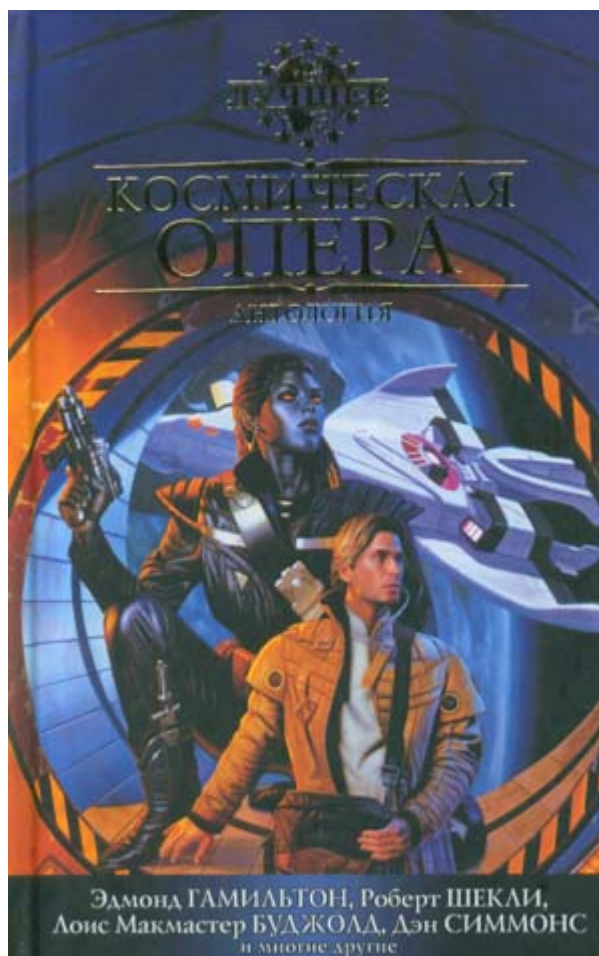

Дэвид Дрейк Бронзовые шеренги

Новая космическая опера – 10

«Космическая опера»: Издательская Группа «Азбука-классика»; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9985-0791-5

Аннотация

Личным вкладом Дрейка в космический жанр можно назвать его роман «Бронзовые шеренги» («Ranks of Bronze», 1986). Основанный на одноименном рассказе, написанном в 1976 году, он изображает военные действия среди звезд, которые ведут в далеком будущем пропавшие римские легионы Кросса.

Легион перенесен с Земли в космос — солдат используют как наемников, ими владеют и управляют некие чужаки, которым нужна лишь прибыль и которые заставляют римлян вести дешевые, низкотехнологичные войны с обитателями интересующих их планет, хотя легионеры не питают личной неприязни к местным жителям и вообще смутно понимают происходящее. Ни у кого из легиона нет шансов. Солдаты ведут себя убедительно, как и положено римским воинам. Они — весьма эффективная боевая сила, способная побеждать. Не замечая того, они перемещаются с планеты на планету и сражаются, а иногда гибнут. Они несчастны.

Есть биографическая справка.

Дэвид Дрейк

Бронзовые шеренги

Об авторе

Дэвид Дрейк (р. 1945) проживает в Северной Каролине, близ Чапел-Хилл. Информацию об авторе можно найти на www.david-drake.com. Он родился в штате Айова и там же с отличием окончил университет, получив степень бакалавра истории и классической филологии. Покинув юридическую школу, с 1969 по 1971 год служил в армии, большую часть 1970 года проработав следователем в 11-м Бронекавалерийском полку «Черная лошадь» во Вьетнаме и Камбодже. Свой первый рассказ Дрейк продал в 1966 году, еще будучи студентом, Августу Дерлету (издательство «Arkham House») и продолжал писать и в юридической школе, и в армии, и работая адвокатом. В 1979 году вышли его первая книга — сборник военной научной фантастики «Молотобойцы» («Hammer's Slammers») и первый роман «Повелитель драконов» («The Dragon Lord») в жанре «меча и магии». Дрейк самостоятельно и в соавторстве написал сорок девять книг; выступил редактором и соредактором тридцати, разработал сюжеты еще двадцати — в жизнь их воплотил другой автор. Среди последних произведений Дрейка — «Хозяин котла» («Master of the Cauldron», 2004) и «Путь к славе» («The Way to Glory», 2005).

На своем сайте он пишет: «Я, возможно, известен в основном благодаря своей боевой фантастике, но она всегда составляла лишь четверть моих трудов. Хотя я работаю только в жанре фэнтези и НФ, в этих рамках я пишу все, за исключением любовных романов, — юмористическую и эпическую фантастику, триллеры, боевую фантастику, космическую оперу, историческое фэнтези и фантастику». И еще: «Я часто пишу о солдатах и ветеранах — то есть военную НФ, и из-за этого меня обвиняют в милитаристических наклонностях те, кто не видит разницы между описанием войны и ее пропагандой, или те, кто эту разницу отвергает».

На сайте автора размещен также очерк, в котором Дрейк делится личным военным опытом и соображениями о боевой фантастике (впервые он был опубликован как послесловие к «Повелителям танков» («The Tank Lords»)), а также комментарии автора на тему литературного влияния: «С одной стороны, на меня повлияла палм-фантастика, рассказы 1930—1940-х годов, вошедшие в сборники 1950-х, когда я начал зачитываться НФ и фэнтези. В особенности

Роберт Ирвин Говард; затем, когда я поступил в колледж, — трилогия Толкина, еще до того, как она стала выходить в мягком переплете. С другой — романские и античные авторы (хотя греков я читаю в основном в переводе). На этом сайте есть специальный раздел, посвященный античным классикам, поскольку проза Тацита и Цезаря может служить образцом для любого писателя, так же как и умение некоторых поэтов (тут же приходят на ум Овидий и Тацит) ловко справляться с продолжительными действиями и краткими описаниями. Я определенно многому научился у них».

Те немногие критики, которые обращают внимание на данную литературу, считают Дрейка ведущим автором боевой фантастики двух последних десятилетий. Удачную карьеру Дрейка часто связывают с коммерческим успехом издательства «Baen Books». Когда в 1980-х произошла революция киберпанка, в агитационном журнале Брюса Стерлинга «Spear Truth» произведения Дрейка (наравне с работами Вернона Винджа, Дина Инга, Джанет Моррис и некоторых других) назвали одним из примеров политически неверной научной фантастики.

«В начале своего существования фантастика была халтурой, ориентированной на ограниченную группу простаков. Но границы расширялись, и фантастика стала культурно легализованной. С появлением Стратегической оборонной инициативы элементы, темы и образы действий, рожденные в фантастике, стали центральными в мировых политических

дебатах.

Одна отколовшаяся группа с похвальной быстротой ухватилась за новый политический потенциал фантастики. В отличие от традиционных „ходов“, эта группа писателей не может похвастаться литературными новшествами — скорее радикальной идеологией. Для краткости будем называть их „последователями Пурнелла“.

У этой группы имеется ряд сильных сторон. И первая из них — крепкая издательская база... „Baen Books“. Вторая — претензия на традиционность, особенно на восторженный технократизм, характеризующий жанр научной фантастики со времен Гернсбека. Еще одно важное преимущество — их идеологическая солидарность, дающая им своеобразную ударную силу вроде той, что Ленин внушил большевикам. В данном случае их Ленин — доблестный экс-марксист Джерри Пурнелл, примеривший на себя маски писателя, редактора, теоретика и политического лидера» (Брюс Стерлинг, «Cheap Truth», № 13).

В процессе язвительной атаки на эту группу Стерлинг назвал Дэвида Дрейка «верным последователем, специализирующимся на военных байках, которые претендуют на „тошнотворный гиперреализм“». Позиция Стерлинга весьма близка к политическим позициям британских и европейских научно-фантастических сообществ 1980-х годов — по существу, всех американских фантастов, пишущих на военные темы, смешивали в популярных критических дискурсах с милитаристами как вне США, так и в некоторых кругах в пределах страны, превращая их (как милитаристов) в символ заблуждений американской фантастики в США и за границей. А Дрейк тем временем продолжал свою коммерчески успешную карьеру, частенько совершая «набеги» на космическую тему и живописуя сражения среди звезд. За пределами США его работы не получили широкой известности.

Личным вкладом Дрейка в космический жанр можно назвать его роман «Бронзовые шеренги» («Ranks of Bronze», 1986). Основанный на одноименном рассказе, написанном в 1976 году, он изображает военные действия среди звезд, которые ведут в далеком будущем пропавшие римские легионы Красса.

Легион перенесен с Земли в космос — солдат используют как наемников, ими владеют и управляют некие чужаки, которым нужна лишь прибыль и которые заставляют римлян вести дешевые, низкотехнологичные войны с обитателями интересующих их планет, хотя легионеры не питают личной неприязни к местным жителям и вообще смутно понимают происходящее. Ни у кого из легиона нет шансов. Солдаты ведут себя убедительно, как и положено римским воинам. Они — весьма эффективная боевая сила, способная побеждать. Не замечая того, они перемещаются с планеты на планету и сражаются, а иногда гибнут. Они несчастны.

Вот боевая фантастика, с которой содрана оболочка современной политики. Солдаты прибывают на место. Им говорят, с кем драться. Они побеждают или умирают. И отправляются дальше. По-моему, таков и есть истинный опыт обычного сражающегося мужчины или женщины в военных организациях на протяжении всей истории. Выбор весьма ограничен. Отдельные личности ведут себя хорошо или плохо, проявляют здравомыслие или безумие, мудрость или глупость. А еще здесь играет свою роль удача. Никто не видит картины в целом, иногда она вырисовывается, когда бой окончен, а иногда и нет. Тот, кто лучше всех делает свое дело, способен выжить и порой возвыситься. Некоторые из героев — люди плохие и (или) сумасшедшие, но они не глупы — глупость ведет к смерти. Моральный выбор невелик, но мы уважаем тех, кто нормален, осторожен и, если может, поступает по совести. А потом пытается жить со своим выбором. В боевой фантастике Дрейка нет доступа к тем, кто вершит политику. Он просто беспристрастно показывает мрачную человеческую жизнь.

Фантастику Дрейк использует как инструмент, античных наемников — как воплощение солдатских характеров. С их помощью он создает вымышленное пространство, в котором мы можем исследовать определенные виды человеческого поведения, героизм, верность, трусость, стратегию ведения военных действий и ее влияние на отдельных

личностей, а также эффективность высоких или низких технологий убийства в разных ситуациях. И Дрейк делает это строго объективно, никого не обвиняя и не оправдывая. Никто из тех, кто внимательно прочитал книги Дрейка, не скажет, что он защищает войну.

Бронзовые шеренги

Крохотная точка солнца поднималась над каменистой землей. Со стороны расположения местных к Вибулену и его когорте тянулись длинные тени. Легион построился час назад; враг пока не шевелился. С юга дул игривый ветерок, пахнувший горечью, и трибун вскинул щит, заслоняясь от бриза.

— Когда выступаем, командир? — спросил первый центурион.

Гней Клодий Кальв занял свой нынешний пост после того, как его предшественник был в лепешку расплюснут булыжником во время штурма одной далекой гранитной крепости. Вибулен помнил свои первые дни в когорте весьма смутно — восемнадцатилетний мальчишка, вдруг оказавшийся во главе четырехсот восьмидесяти солдат, чьи имена он отчаянно старался выучить. Что ж, теперь он их знает. Правда, сейчас нужно держать в уме лишь имена уцелевших двухсот девяноста.

Молчаливое терпение бородатого Кальва вернуло Вибулена в настоящее.

— Когда подойдет кавалерия, мне доложат. Какой-то царек вроде как должен пригнать нам на подмогу пару тысяч, чтобы защитить фланги. Иначе...

Голос трибуна сорвался. Он смотрел на лагерь противника, раскинувшийся на каменистой равнине, вспоминая другое, давнишнее поле боя.

— Проклятые парфяне, — пробормотал Кальв, думая

О том же.

Вибулен кивнул:

— Проклятый Красс,¹ хочешь сказать. Он засунул нас *туда*, и потому ты *тут*. Тупой ублюдок. Но и он получил свое.

Легионеры, не нарушая построения, сидели на корточках, переговариваясь и жуя хлеб или сушеные фрукты. Они не проявляли ни показной храбрости, ни беспокойства. Слишком часто они вот так дожидались боя. Солнечный свет выкрасил забрала их шлемов в зеленый цвет, но зеленый не ядовитого оттенка яри-медянки, а в цвет морских волн гавани Брундизия² туманным утром.

О Матерь Веста, вздохнул про себя Вибулен. Роста он, как и большинство солдат легиона, был среднего, пять футов два дюйма, из-под шлема выбивались черные кудри, бороду трибун не отпускал. Лишь глаза выдавали истинный возраст того, кто казался юношей-подростком, — глаза усталого пятидесятилетнего человека.

В расположении отряда командующего трижды прогудел рожок.

— Становись! — рявкнул трибун, но центурионы уже выкрикивали приказы, заглушаемые стуком о камни подбитых гвоздями сандалий. Десятая когорта могла бы построиться даже во сне.

Где-то в середине шеренги плащ легионера зацепился за зарубку на ободке щита. Солдат сдернул тяжелую ткань, выругавшись по-осски в ответ на рычание Кальва. Вибулен взял себе на заметку: после сражения разобраться с центурионом. Парень должен был

¹ Марк Лициний Красс — римский политический и военный деятель 1 века до н. э. Руководил неудачным походом против Парфии и погиб в битве при Каррах в 53 году до н. э. вместе с большей частью войска. Имя главного героя рассказа наводит на мысль о Вибулене — воине армии Красса, упоминание о котором встречается в «Анналах» Тацита.

² Брундизий — древнеримский город-порт на берегу Адриатического моря, играл важную роль в сообщении с Востоком. В настоящее время итальянский город Бриндизи.

позаботиться о замене щитов до высадки. Он бросил взгляд на свой щит. Сколько таких же ему довелось носить? Не важно. Доспехи сменить легко. Сейчас на нем уже четвертая кираса, хотя ни одна из них не сидела так, как та, которую купил ему отец в тот день, когда Красс назначил Вибулена трибуном. О Веста...

Подлетевший к командиру когорты гонец резко осадил своего скакуна, свирепо рванув поводья. Вибулен узнал посыльного — Помпилий Фалько. Вступивший в легион поросенок теперь превратился в настоящую свинью. Хотя, говоря так, можно оскорбить славное животное.

— Выступаем без кавалерии, — крикнул гонец, наклонившись. — Подровняй шеренги.

— Кровавый член Осириса! — сплюнул трибун. — Где подкрепление?

— Придется самим, — пожал плечами Фалько и развернул скакуна.

Вибулен шагнул вперед и перехватил узду.

— Фалько, — сказал он, не делая даже попытки говорить тише, — передай нашему почтеннейшему командующему, чтобы укрепил наш левый фланг, если он хочет, чтобы Десятая выступила. Местных слишком много — они ударят с трех сторон разом.

— Боишься умереть? — ухмыльнулся гонец и дернул повод.

Но Вибулен держал крепко. Порыв ветра взметнул его плащ.

— Боюсь ли я, что мне раскроют череп? — переспросил он. — Не знаю. А ты, Фалько? — Фалько бросил взгляд на правую руку трибуна и промолчал. — Передай, мы будем драться за него, — продолжил Вибулен. — Только мы не позволим ему посылать нас на верную гибель. Однажды мы это уже проходили.

Он отпустил поводья, и посланец поскакал обратно, поднимая клубы пыли.

Сменные доспехи достаточно прочны — щиты не раскалываются, падая, и шлемы выкованы без изъяна. Но в них нет утонченности искусной работы. Они тяжелы, безжизненны. Вибулен, например, все еще носит толедский меч с костяной рукоятью, требующий регулярной заточки, но, закаленный и сбалансированный, этот меч всегда готов перерезать нить чьей-нибудь жизни, как делал уже сотни раз.

Пальцы трибуна продолжали ласкать отполированный ладонью эфес — это успокаивало солдата.

— Спасибо, командир.

Трибун оглянулся на своих людей. Стоящие в первых рядах отсалютовали ему. А благодарил Вибулена Кальв, застывший, напряженный, превратившийся в статую из красного дерева и бронзы. Коренастая фигура лучилась гордостью за своего лидера. Предводителя. Больше никого из тех, кто стоял сейчас под знаменами, нельзя было назвать этим словом, никто больше не смог бы повести этих ветеранов, хотя солдаты, безусловно, подчинились бы отдаваемым им приказам. Вибулен усмехнулся и хлопнул Кальва по крепкому плечу.

— Может, это последний бой, а потом мы отправимся домой, — сказал он.

Над вражеским лагерем поднялась пылевая завеса. Издалека невозможно было различить фигуры, но под изумрудными лучами ослепительно вспыхивало железо. Тени медленно ползли влево и вправо по равнине — это выстраивались местные. Тысячи местных, много тысяч.

— Гэй-гип!

Двадцать всадников из охраны командующего промчались позади когорты, сотрясая землю своим галопом. Они остановились на левом фланге, заслоняя уязвимую пехоту. Яркие желтые и зеленые вымпелы трепетали на копьях, упертых в специальную колодку возле правого стремени. Пестрые флажки мешали всадить острие пики слишком глубоко в тело противника — тогда его будет трудно выдернуть. Под забралами шлемов мелькали угрюмые лица. Вибулен представил, как они злятся сейчас из-за этого перемещения, совершившегося по его требованию, и опять ухмыльнулся. Телохранители, вероятно, оскорблены тем, что им придется драться, а не гордо держаться в стороне от боя. Что ж, может, этот опыт пойдет им на пользу. Или, по крайней мере, кого-то из этих высокомерных паразитов прикончат.

— Не совсем то, что я называю кавалерийским подразделением, — проворчал Кальв.

— Он выделил нам половину из того, что имел, — ответил Вибулен, пожав плечами. — Они не подпустят местных к нашим спинам. Будем надеяться, противник близко не подойдет, уж больно жалко эти всаднички выглядят.

Центурион хлопнул по бедру щегольским жезлом:

— Жалко? Мы им покажем «жалко».

В расположении штаба вразнобой заревели все трубы разом, перекрикивая друг друга. Шутки и шарканье резко оборвались, лишь южный ветер продолжал что-то невнятно нашептывать. Вибулен в последний раз осмотрел шеренги — по пятьдесят человек в ряд. Ряды ровнехонькие, что твой натянутый ремень. Пять футов от шишки щита до шишки щита — достаточно для замаха мечом. Пять футов от защитной планки для носа одного воина до защитной планки для носа другого воина в следующем ряду, люди в любой момент могут шагнуть вперед — каждый по отдельности, чтобы заменить упавшего, или все вместе, смыкая щиты с передним рядом, чтобы возвести непробиваемую бронзовую стену. Легион — норовистый дракон, зубы его — сверкающие копыя: одно вертикально застыло за каждым щитом, другое держит под наклоном каждая правая рука, готовая метнуть пику или пырнуть неприятеля.

Рога затрубили снова, штандарт с орлом накренился, и голос Вибулена присоединился к реву трех тысяч вопящих глоток — весь легион дружно сделал первый шаг. Левой — правой, левой — правой. Центурионы задавали ритм, а шеренги отвечали им мерным звонким топотом сапог и сандалий.

Широко шагая, Вибулен проверял построение своей когорты. Ему следовало бы иметь лошадь, но лошадей в легионе не осталось. Отряд командующего подыскал себе грубую замену... очень грубую. Вибулен сомневался, что принял бы такого «скакуна», даже если бы его дорогие наниматели и предложили ему сесть верхом.

Его люди казались плавно тянущейся гладкой бронзовой цепью. Отлично. Девять когорт справа шагают прекрасно, но — Геркулес! — их так мало в сравнении с армадой, катящейся от лагеря местных. Кто-то оказался слишком самоуверен. Враги тоже воинственно завопили, сперва неслаженно и негромко. Но клич нарастал, обретая пульсирующий ритм, заполняя разделяющее войска пространство. Брешь между противниками сужалась со скоростью два шага в секунду. О Геркулес! Скоро они столкнутся.

Местные подошли уже достаточно близко, чтобы можно было различить детали: долговязые, длиннорукие, враги были гораздо выше легионеров. Впрочем, вооружены они плоховато. Головы прикрывают либо кожаные шлемы, либо и вовсе копны собственных волос. Щиты их, кажется, сделаны из шкур и ивовых прутьев. Кто же живет в этой каменной пустыне, если в распоряжении противника столько кожи? Но, конечно, Вибулену никто не выкладывает всю подноготную, даже касающуюся географии поля боя. Просто очередное место, на котором сойдутся две армии, — этого достаточно.

А еще у неприятеля есть железо. Черный блеск наконечников их копий кое-что напомнил трибуну, и в груди воина заныли старые раны.

— Улыбнитесь, мальчики, — весело воскликнул один из центурионов, — вот вам и компания.

Не успел он закончить фразу, как в землю с гудением вонзилось копьё. Значит, у врага имеются еще и метательные устройства. Расстояние слишком велико для любой руки — Вибулен на своем веку повидал немало, чтобы утверждать это наверняка.

— Берегись! — крикнул он, когда из рядов местных взмыло по дуге еще два десятка дротиков.

Оценив степень опасности, легионеры либо вскинули щиты, либо просто не обратили внимания на летящие мимо копыя. Одно ударилось о землю перед Вибуленом и развалилось на дюжину железных обломков и шишковатое древко, вроде бы ротанговое. Несколько дротиков лязгнуло о забрала шлемов, но тонкий звон потерялся в грохоте сапог. Никто из

легионеров не упал.

Вибулен со вскинутым мечом опередил свою когорту на два шага, чем превратил себя в отличную мишень: десяток копий уже летел к нему. По коже трибуна побежали мурашки, бугорчатая паутина шрамов зачесалась и натянулась, точно канаты. Зато так его видит вся когорта, а кто-то должен дать знак...

— Давай! — гаркнул он, хотя из-за многоголосого рева его все равно не слышали. Рука с мечом резко упала вниз.

Три сотни глоток ухнули разом — это когорта дружно метнула свои тяжелые копья. Легкий вражеский дротик ударил Вибулена в плечо, и трибун пошатнулся. Широкая ладонь Кальва легла на спину командира, удержав его и подарив секунду, нужную, чтобы восстановить равновесие.

Передние ряды местных разорвались — римские копья достигли цели.

В пятидесяти футах от легионеров пронзительно завопили оранжевые неприятельские солдаты, спотыкающиеся о тела своих товарищей, доспехи которых не выдержали ударов тяжелых копий.

— Вперед! — крикнул замыкающий в первой шеренге, забыв об оставшемся копье и выхватывая короткий меч.

Трубы что-то пели, но это уже не имело значения: тактика была отброшена, Десятая прорубала себе путь в гуще армии местных.

Поддавшись короткому приливу ярости, Вибулен по-прежнему держался впереди, между двумя легионерами. Местный, с золотистой кожей и ярко-карминными глазами, попытался убраться с дороги трибуна, но римское копье пронзило его щит и руку, крепко-накрепко спаяв их воедино. Меч Вибулена полоснул бойца чуть ниже подбородка. Хлынула кровь, более светлая, чем человеческая.

Шок столкновения сбил местных в кучки. Неуправляемый напор задних добавлял смятения во вражеские ряды. Вибулен перепрыгнул через все еще корчащееся тело и бросился на стену щитов и перепуганных оранжевых лиц. Направленный в него железный наконечник копья промахнулся — неприятеля оттолкнул кто-то из его солдат. Вибулен сделал выпад в сторону противника. Боец вскинул щит, принимая удар, и тут же упал — копье легионера из второго ряда вошло в оранжевое брюхо.

Запахавшийся Вибулен, с меча которого продолжала капать чужая кровь, остановился, позволяя наступающим шеренгам обтекать себя. Резня — работа не для трибуна, но Вибулену все больше и больше хотелось ощущать стремительную свирепость схватки, освобождающую нарастающую в его душе ярость. Когорта продвигалась с уверенностью сохи, влекомой волами по сухому чернозему.

Оконце в толпе местных, образовавшееся при первом контакте, заполнилось римлянами. Вибулен вытер клинок о тело погибшего, оставив на плоти две вяло сочащиеся кровью царапины. Затем он убрал меч в ножны. Три растянувшихся друг на друге трупа создали небольшой бугорок. Не колеблясь, трибун ступил на возвышение, чтобы следить оттуда за ходом битвы.

Легион казался толстым шилом, протыкающим пояс из рыжей кожи. Кавалерия на левом крае держалась как бы в стороне от россыпи тел — местные не угрожали всадникам, а они сами не делали попыток отогнать неприятеля. Один из «скакунов», безволосая скотина, по виду напоминающая помесь волкодава с буйволом, лениво жевала мертвеца, заколотого своим наездником. Вибулен не ошибся, предположив, что местные станут избегать их; тысячи фланговых воинов дрожали от нерешительности, не рискуя или не догадываясь окружить легион. Чтобы атаковать похожих на жаб всадников на их жутких «скакунах», требуется гораздо больше дисциплины, чем продемонстрировал этот оранжевый сброд.

В сотне шагов за спинами легионеров в бронзовых доспехах, так контрастирующих с наготой аборигенов, находился командующий с двумя десятками оставшихся при нем телохранителей. Из трех тысяч приземлившихся на космическом корабле он один знал, зачем ведется бой, но, кажется, не собирався самолично вступать в сражение. И если тупой

выродок сохранил себе половину охраны — Марс и все боги, что творится сейчас на правом фланге?!

Нечеловеческий победный крик, раздавшийся в полумиле от Вибулена, дал трибуну однозначный ответ.

— Готовьтесь к отрыву! — приказал он ближайшему центуриону.

Смуглый офицер, сын североафриканского колониста, коротко бросил что-то двум легионерам, отсылая их с приказом на передний и задний фланги. Легион никогда не разбрасывался людьми, их и так вечно не хватает, гонцы трибуну не положены, но когорта справлялась и так.

Трубы блеяли от ужаса. Местные с гиканьем клубились на правом фланге римлян. Легионеры в тылу поспешно разворачивались, повинуюсь скорее инстинктам, чем приказам обескураженных офицеров. Внезапно серьезность ситуации дошла и до штабного отряда. Трое телохранителей поскакали в сторону надвигающейся оранжевой толпы. Остальные смешались с пехотой.

На левом фланге затих звон железа о сталь. Когорта остановилась, и местные получили возможность бежать к своему лагерю. Даже те, кто не участвовал в битве, заразились всеобщей паникой и неслись, оставляя позади неуклюже раскинувшиеся тела.

— Кругом! — скомандовал Вибулен, перекрикивая ропот. — Все назад! Там варвары еще желают драться с Десятой!

Возбужденные возгласы жаждущих убивать легионеров слились с топотом кинувшейся выполнять приказ когорты.

Войско развернулось, и Вибулен побежал к новому переднему краю, бывшему задней шеренгой. Кавалеристы, приземистые и угрюмые в своих увесистых доспехах, проявили достаточно здравого смысла, чтобы направить скакунов к флангу Девятой когорты, оголенному маневром Вибулена. Метательные копья вылетали из рядов местных лишь изредка, почти не мешая продвижению римлян. Их товарищам, оставшимся подле командующего, повезло меньше.

Град дротиков мгновенно прервал вялую атаку. Два «скакуна» свалились, несмотря на толстую броню. Сам командующий распластался на камнях. Потерявший седока зверь взвыл дурным голосом над упавшим хозяином. Из холки его торчало древко случайного копья. Оранжевые воины закололи двух пытавшихся подняться всадников и повалили последнего. Полдюжины телохранителей покинули ряды пехоты и нервным галопом помчались на подмогу своему нанимателю. Раненый «скакун» прыгнул на одного из уланов. Животные сплелись, и боец оказался зажат между массивными телами. Когтистая задняя лапа прошлась по его голове, и та вместе со шлемом взмыла к небесам в фонтане зеленой сукровицы.

— В атаку! — рявкнул Вибулен, и даже не услышавшие его легионеры последовали за бегущим вперед командиром.

Кавалерия и местные сцепились в четверти мили от них. Когорты правого фланга были слишком заняты обороной, чтобы подключиться к броску. Половина легиона стала бронзовым червем, ошестинившимся копьями навстречу оранжевому потоку. Без немедленной поддержки весь правый фланг будет раздавлен и превратится в окровавленный клубок покоренного металла Десятая когорта — их единственная надежда

— Ри-и-им! — гаркнули бывалые воины, скидывая щиты.

Новый град дротиков обрушился на них. Задние ряды разомкнулись, в шеренгах образовались бреши. Позади оставались раненые, стискивающие вспоротые или пригвожденные к земле чужеземным деревом голени. Ну до них дело дойдет, когда спустятся спасательные команды, а они не приземлятся, если переделка завершится полным разгромом.

Осознав внезапную угрозу, местные бойцы защелкали и завывали. Собственный успех расслабил их. Цеп, молотящий ряды бронзовой пшеницы, превратился в тысячу неуправляемых группок, теснимых римской шеренгой. Только вожаки, сгрудившиеся вокруг штабного отряда пока не потеряли единства.

Один «скаун» еще держался на ногах. Четыре тяжеловооруженных охранника с булавами пытались окружить командующего, ворочающегося синим пятном на бурых камнях. Шквал ударов булав и парирующих копий завершился грохотом упавшей брони — проворное оранжевое тело с ножом прыгнуло на поверженного бойца. Стремительный меч Вибулена тут же вошел в горло местного.

Десятая когорта раздавила ошеломленных местных. Еще секунду назад оранжевые воины рвались вперед, торжествуя победу, — и вдруг наткнулись на нерушимую стену римлян и разбились об нее. Безжалостная и неумолимая, как восходящее солнце, Десятая гнала в панике улепетывающих противников, давая время оправиться и развернуть строй правому флангу. Земля за ними стала скользкой от крови.

Запыхавшийся Вибулен отдыхал, опустившись на одно колено. Он вытащил меч, и тот прилип к руке. Послышался рев двигателей. Через несколько минут спасательные команды займутся павшими легионерами, возвращая жизнь всем, кому не вышибли мозги или не сломали хребет. Вибулен, погрузившись в болезненные воспоминания, потер ребра.

На плечо трибуна легла чья-то рука, обтянутая голубой тканью, — без доспехов, по крайней мере таких, которые способны защитить от оружия. Из маленькой пластины под чистым круглым шлемом раздался голос командующего. На латыни, с сильным акцентом, но четко выговаривая слова, он произнес:

— Вы великолепны, вы бойцы-воители.

Вибулент хмыкнул, но не поправил чужака. Воители — это резвящиеся герои, годные лишь на то, чтобы погибнуть при встрече с настоящими, бывалыми, вымуштрованными войсками — например, с Десятой когортой.

— Я думал, Совет Федераций сошел с ума, — продолжил ровный голос, — когда постановил, что мы не должны высаживаться на обитаемые планеты с оружием, превосходящим местный уровень. Им легко говорить об опасностях знакомства варваров с современным вооружением, но как еще сокрушить местные армии без того, чтобы твой бизнес не обескровили транспортные издержки?

Командующий покачал головой, точно восхищаясь окружающей его картиной побоища. Вибулен молча вытер клинок. Перед ним Фалько пялился на зеленое солнце. Из его правой глазницы торчал дротик.

— Когда мы выкупили вас из парфянского плена, это был только эксперимент. Некоторые из нас сомневались, оправдается ли хотя бы стоимость искусственного продления жизни. Но вы в известном смысле оказались эффективнее страж-отрядов с лазерами; уступая числом противнику, вы разбили врагов их же собственным оружием. Они даже во спасение своей гордости не смогут утверждать, что тут замешана магия. Вы действовали не хуже тех, кого мы могли бы нанять в других местах. И так дешево!

— Поскольку мы удовлетворили твои требования, — сказал трибун, стараясь согнать с лица надежду, — вернут ли нас теперь домой?

— О боже, нет, — рассмеялся чужак, — вы для этого слишком ценны. Но у меня есть для вас сюрприз, и, уверен, приятный — женщины.

— Ты нашел нам настоящих женщин? — просипел Вибулен.

— Поверь, разницы ты не заметишь, — ответил командующий уверенным отеческим тоном.

В миллионах солнц от них, в усадьбе в Сабинских горах, поэт³ взял из рук обнаженной девочки-рабыни стилус и быстро-быстро написал: «И несчастный солдат Красса принял в дар от своих пленителей жену-варварку и состарился, воюя за них».

С довольным видом поэт перечитал строчку.

— Конечно, это еще нужно отполировать, — пробормотал он. Затем мужчина

³ Усадьба в Сабинских горах близ Рима принадлежала поэту Квинту Горацию Флакку.

обратился к рабыне: — Знаешь, Левконая, поэзия рождается не только из вдохновения, здесь замешаны силы в тысячу раз могущественнее; но эти стихи пришли ко мне словно из воздуха.

Гораций ткнул стилусом в мерцающее ночное небо. Девушка улыбнулась ему в ответ.